***

Воды остыли, раскисли дороги.
Скоро, наверное, Праведный Суд.
Люди боятся – гневливые боги
Что еще страшного им принесут?

Болью и ложью истерзанный весь я,
Мучусь иным у грядущих Голгоф –
Что вознесется со мной в поднебесье,
Чем испугаю усталых богов?..

***

Когда подступает обид череда,
И мир покидают хорошие люди,
Я в миг роковой вспоминаю всегда,
Что лучше не будет…

И в небе напрасную птицу слежу,
И взгляд мне звезда обжигает всевластно.
Но я всё о том же твержу и сужу –
Мол, всё не напрасно…

Никем не отменится час роковой…
И слепо бредя по пузырчатой луже,
Шепчу еле слышно: «Гордись, что живой…
Бывает и хуже…»

Пусть целит судьба, чтоб ударить под дых,
И звезды тускнеют в неоновом свете,
Пусть ветер свистит в колокольнях пустых,
Он все-таки ветер…

***

Узколицая тень всё металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер…
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава… И клубился туман возле хаты…
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна… И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда…
Вдалеке завывала простуженным басом собака
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть…

И отец в небесах…
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил…
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал… Ну а я ничего не спросил…

***

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,

Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу… И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры…
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник…

***

Догорала заря…Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян…
А он шел, напевая… Он был озорным и счастливым…
– Как же звать тебя, **милай**?.. И вторило эхо: «Иван…»

Он шагал через луг…Чертыхаясь – несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
– И куда ты, Иване? – Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи…

– Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что, с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат…

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь… И родится Иван от Ивана –
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа… Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу…
– Ты откуда, Иван? – Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца… В авоське несу…

***

«А я любил советскую страну…»
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,
Там дух иной и истинность – иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев…

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад –
Под первый снег… В каникулы… Седьмого…

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины – Москва…»
Я там же… Не Москва моя столица…

Смахну слезу… На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября… У нас – салют…
Во славу той страны, которой нету.